

Город — это этажи.
Но еще замысловатые, словно лабиринт,
проходные дворы.
Ведущие бог весть куда, может, в логово
Минотавра, а может,
к деревянному человечку — в кукольный
театр «Молния».

А еще — уютные дворики.

Заросшие крапивой, лопухами, ши-
повником
и царствующим над всей этой зеленой все-
ленной — американским кленом.
Тенистые летом.
Зимой же погребенные под непролазными
сугробами.

Город — это люди, населяющие его.
Поколение за поколением.

Кажущееся монолитом, но разрывающееся
гигантским фейерверком
на миллионы судеб-звездочек.
Каждая из которых обречена проде-
лать один и тот же путь, ограниченный с
одной стороны яростным криком новоро-
жденного,
а с другой — молчанием погоста.
Чтобы в промежутке связать себя, казалось
бы, неразрывными
(на деле же непрочными и быстротечными)
паутинками-связями
с такими же мерцающими искорками.

Город — это стекло и сталь, асфальт и бетон.
И еще чудом выжившие, таинственные
островки с осколками минувшего, материа-
лизовавшегося в каменных или деревянных
особняках, насчитывающих жизни своей не
одно столетие.

Особняки-острова.
С заброшенными садами или без.
С чердаками и подвалами,
где семейные реликвии истлевают неизбеж-
но и неотвратимо,
превращаясь в хлам, среди которого ожида-
ют призраки,
стерегущие сокровища и тайны,
ключи и карты к которым утеряны навеки.

Особняки-острова.
Прибежище кошек, где среди многоцветия
хвостов и шкурок,
горящих во мраке глаз
нет-нет да и заструится *зубастая улыбка*,
а среди шороха и теней
послышится вдруг скрип *починяемого
примуса*.

В этих домах-островах на стенах найдутся
еще портреты
давно канувших в небытие персон
и картины, сюжеты которых позабыты.
На книжных полках моргнут устало
потускневшим золотым обрезом давно
прочитанные книги,
а в дымоходах или же за голландской
печкой
(конечно же, в изразцах, но потрескав-
шихся и
кое-где отвалившихся) обитает фамильное
привидение.
И утреннее солнце сквозь занавес в спальне.
Как детская вера, что за этим утром будет
день, а за ним снова утро

и снова день, и так будет до тех пор, пока не
станешь взрослым,
а уж тогда изобретут лекарство от старости
и смерти
или Дед Мороз оставит под новогодней
елкой волшебную палочку...

Именно в одном из таких домов-островов
провел свое детство Кеша Макаров.

Дом был расположен у самого входа в парк.
Дом был большим и старым.
Кеше он представлялся очень древним.
Таким же, как башня Прекрасной Ногай-
ской Царевны
в Крепости на холме,
или дребезжащий деревянный трамвай,
на котором вместе с бабушкой отправлялся
в нескончаемое путешествие
от дома к железнодорожному вокзалу.

Хозяин ли дома, архитектор ли,
обладали несомненной и прихотливой
фантазией.
Деревянное строение, с намеком на
art nouveau,
могло сойти за небольшое *château*,
но торчащие на крыше трубы дымоходов
и присовокупленная к ним телевизионная
антенна
придавали особняку зловеще-комичный
вид,
напоминавший издали редкозубую челюсть
старика.
Над парадной дверью (заколоченной с
полвека)
высилось некое подобие дозорной башни,
скрывавшее за своим романтическим ви-
тражным окном
прозаичный чердак.

Стены дома, потемневшие и обветшавшие
снаружи,
внутри надежно хранили спокойствие и
уют,
отгораживая и защищая обитателей своих
от столь же древнего, как и дом, парка.

Парк начинался непосредственно за чер-
ным входом.

В тени высоченных лип
кронами своими, словно куполом закрыв-
шими небеса,
среди нешироких, подметаемых от случая к
случаю аллея
располагались скамейки,

выкрашенные масляной краской ядови-
то-зеленого цвета.

Аллеи служили часто пристанищем любите-
лям шахмат,
реже и в основном вечерами — картеж-
никам.

И еще собачникам, выгуливающим в парке
своих
разной степени клыкастости и хвостасти
питомцев.

И конечно же, влюбленным парочкам.
И любителям алкоголя, к которым при-
липла, точно жвачка к ботинку, обидное
прозвище — *флаконы*.

Флаконов и картежников регулярно гоняла
милиция.
Сходки шахматистов и собачников не раз-
гонялись,
но и не приветствовались.

В одно лето появились деревянные таблич-
ки с угрожающей надписью:
«*В саду ведется острел собак*».
«*Острела*» не случилось,
но любящие хозяева Квантов, Аргонов,
Люксов, Акимов, Акелл
и прочих Чарликов стали «выгуливать» их
не в аллеях,
а на полянке у оврага, причем значительно
реже
и большей частью в темное время суток.

Шахматистам «*острелом*» не угрожали.
Впрочем, как и влюбленным парочкам.

Парк разбит был на холме.
Вход с улицы Щапова был пологим, от
другого же
устремлялась вниз нескончаемой чередой
ступеней лестница.

Лестница, казавшаяся маленькому Кеше
бесконечной,
завершалась переулком, имя которого, Ко-
четов, знали только старожилы.
Переулок этот пролегал ровно по дну не-
когда безымянного оврага
и, едва начавшись, обрывался кривой
улочкой
со странным и смешным названием Соба-
чий переулок,
или попросту — Собачка.

Переименованная властью Советов в улицу
поэта Некрасова,
но так и не расставшаяся со своим легко-
мысленным,
но по-домашнему привычным названием.

В парке редко бывало многолюдно.
Зато всегда присутствовало ощущение
тайны.
Может, от полумрака или же от казавшегося
бездонным,
заросшего кустарником оврага.
А может, от старых легенд.
В легендах этих речь шла о призраках и
потерянных душах старого парка, а еще —
о сокровищах, скрытых в темном и сыром
овраге.

И всякий раз летними вечерами Кеша
внимал легендам этим почти с восторгом, а
позже, ночью, с замиранием душевным пе-
реживал их, историю за историей. И старый
парк за окнами оживал, вздыхали неприка-
янные души, слышались шорохи и шепоты
таинственные, казалось, вот-вот ворвутся
призраки через окно в спальню, протянут
свои руки-ветви замшелые деревья.

Но Кеша щелкал рычажком ночника, и
теплый золотистый свет прогонял страхи.

Перевод Вадима Муратханова

